

О Докладе Amnesty International и Human Rights Watch (AI-HRW) по Донбассу, представленному в июле 2016 г. в Киеве

Текст подготовлен на русском языке – для удобства читателей, не знающих хорошо украинский язык

В Киеве 21 июля 2016 г. был представлен совместный доклад Amnesty International и Human Rights Watch «*Вас не існує: Свавільні затримання, насильницькі зникнення і тортури на сході України*» - "*Вас не существует: произвольные задержания, насильственные исчезновения и пытки на востоке Украины*", в нем представлены результаты сбора информации о применении противоборствующими в Донбассе сторонами к гражданским лицам насилия, пыток, жестокого обращения и незаконного содержания в заключении.

Проблема фиксации нарушений прав человека в вооруженном конфликте очень важная, а в условиях гибридной войны местами и довольно деликатная. В такие времена уровень неприятия насилия в обществе и противодействия ему заметно падает. Многие действия, недопустимые в мирное время, становятся возможными. Безднаказанность для многих становится своеобразным стимулом к нарушению закона. Для своих незаконных действий они легче находят оправдания. Поэтому любые исследования подобных нарушений закона ценны. Вместе с тем уровень доверия к таким исследованиям определяется, среди прочего, степенью беспристрастности авторов и малейшие манипуляции фактами могут посеять сомнения в объективности и в непродуманности авторов.

Исследование Amnesty International и Human Rights Watch (AI-HRW) по Донбассу – одно из немногих, которое выполнено опытными исследователями, оно готовилось, мы надеемся, с намерением минимизировать субъективный подход к получаемой информации.

В целом исследование важное, нужное и хочется верить – оно будет иметь результативные последствия. Об одном из них сообщалось 29 августа, когда стало известно об освобождении 13 лиц, которые будто бы содержались в здании СБУ в Харькове и о которых шла речь в докладе.

Вместе с тем это исследование содержит целый ряд моментов, которые вызывают в лучшем случае недоумение. Отмечая необыкновенную важность и ценность доклада, тем не менее уместно подчеркнуть, какие именно аспекты доклада вызвали недоумение и почему.

Следует подчеркнуть, что целью данного исследования не является полный анализ доклада с равномерным подчеркиванием его достоинств и недочетов. Его цель несколько иная: обратить внимание на недочеты доклада и на их последствия. Такой подход продиктован тем, что о реальной ситуации на Донбассе в цивилизованных странах знают весьма приблизительно, и этот доклад там может многими восприниматься как наиболее «объективный». Поэтому наличие «неточностей» в докладе, по нашему мнению, является важным элементом адекватного представления ситуации на Донбассе западному наблюдателю. «Сбалансированность» нашего исследования видится не столько в равномерном упоминании достоинств и недостатков доклада, сколько в намерениях доброжелательно увидеть моменты, которые ставят под сомнение беспристрастность авторов доклада.

К тому же у нас теплится надежда, что в своих будущих исследованиях авторы примут во внимание приведенные в данном исследовании соображения. Безусловно, примут в той мере, которую посчитают для себя приемлемой.

Итак, в докладе прежде всего бросается в глаза равенство числа приведенных случаев – по девять с каждой стороны. Само по себе равенство числа исследованных случаев ни о чем не свидетельствует. Но понятно, что эти примеры авторами доклада отбирались из какого-то массива известных им случаев. И поэтому довольно важно, что авторами ни слова не сказано о том массиве примеров с каждой из сторон, из которого выбраны эти девять случаев, или хотя бы мотивы умалчивания об этом. Полное отсутствие даже намеков на соотношение таких массивов случаев обескураживает. Отсутствием пояснения в докладе этого обстоятельства авторы – желая того или не желая, уже не важно – как бы уравнивают стороны в уровне применения незаконного насилия. 9 = 9 по умолчанию означает, что существенной разницы между сторонами в масштабах насилия нет. Уверения авторов доклада, что они нигде впрямую не говорят о таком паритете, неубедительны, т.к. ничего не меняют в восприятии подобного сравнения.

Возможно, этот момент можно было бы вполне извинить, если бы подобное «уравнивание» было единственным.

Увы, это не так.

Есть в докладе и любопытные взаимоисключающие утверждения. Так, в одном признается, что «*имеются убедительные доказательства участия в конфликте российских вооруженных сил, что превращает внутренний конфликт в международный*» (абз. 1 на стр. 8). Однако в другом месте доклада вполне однозначно авторы утверждают: «*вооруженный конфликт между сепаратистами*

(негосударственными вооруженными силами) и украинской армией **не имеет международного характера**» (абз. 2 стр. 10). Весьма примечательно, что все последующие описания свидетельств потерпевших исходят по умолчанию из второй из приведенных констатаций. Несложно заметить, что видение событий в Донбассе как вооруженного конфликта **немеждународного характера** означает, что ответственность за какие-либо нарушения международных Конвенций несет только Украина, а Россия – нет. По крайней мере, нигде в докладе авторы не говорят однозначно и четко об обязанности России соблюдать международные Конвенции. К тому же заметно, что авторы доклада избегают называть Россию второй стороной конфликта, которая должна нести ответственность за происходящее в оккупированном ею Донбассе и не рассматривают ее в таком качестве. Россия, по версии авторов доклада, позиционирующая себя как независимых, лишь «влияет» на боевиков, но сама в нем не участвует.

В этом позиция авторов доклада мало отличается от позиции российской власти. И очень сильно отличается от фактической ситуации, чего авторы не могут не знать.

Если еще учесть, что самопровозглашенные территории тоже не брали на себя обязательства соблюдать какие-либо международные документы, то Украина оказывается единственным субъектом международного права, имеющим обязательства соблюдать правила поведения в вооруженных конфликтах.

Уместно напомнить, что статья 2 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными определяет

«настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или **всякого другого** вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, **если одна из них не признает состояния войны**».

Об этом нюансе Женевской Конвенции в докладе не упоминается.

Важные акценты создает и употребляемая авторами доклада терминология.

Так, впечатление «почти» равенства уровней насилия с обеих сторон неоднократно подчеркивается употребляемыми терминами и словосочетаниями:

«как сепаратистские, так и провластные силы нарушали законы и обычаи войны...»

или таким:

«члены украинских вооруженных сил и вооруженных группировок также подвергали задержанных пыткам...», (абзац 3 и 4 на стр. 8 доклада).

Формально-логически данные утверждения верны. Но поданные без каких-либо дополнительных пояснений и уточнений контекста, они создают впечатление паритета в нарушениях прав человека в этом конфликте.

Определенное уравнивание субъектности сторон авторы демонстрируют и в том, как именуется противостоящая Украине сторона – «сепаратисты». Однако «сепаратисты» - это в их понимании КТО? Относятся ли к ним зашедшие из России казаки, добровольцы, в т. ч. из Перми и Бурятии? Является ли «сепаратистом» лидер группы боевиков Стрелков и его российские товарищи, оккупировавшие и удерживавшие Славянск? Или один из лидеров ДНР гражданин России Бородай?

Авторами употребляется часто другой термин – «повстанцы». Насколько правомерно и обоснованно применяется это определение авторами доклада? Те граждане Украины, которые в 2014 г. возглавили ДНР и ныне позиционируются в качестве ее лидеров, никогда не были в Донбассе общественными активистами. Они не входили в спектр политиков или гражданских активистов, представляющих те или иные общественные настроения в регионе. Они абсолютно случайны, никогда до 2014 года они никаких «повстанцев» не готовили и не выступали за них. Называть их «повстанцами» - неестественно и неправомерно, даже в некоей мере искусственно. И потому неправомерно приписывать им субъектность, которой у них фактически нет.

Еще меньше оснований называть «повстанцами» россиян – казаков, Бородая, Стрелкова, военнослужащих российской армии, инструктирующих вооруженные группы из искателей приключений из российской глубинки, снайперов.

Употребляя термин «повстанцы», авторы доклада автоматически наделяют противостоящую Украине сторону – вопреки реальности – уровнем субъектности, которым она не обладает. Говорить так – это значит поддерживать определенное искривление реальности, которое усиленно навязывает миру президент России. Зачем это нужно **AI и HRW**? К примеру, вряд ли кто-то станет называть «повстанцами» сомалийских пиратов. Или лиц, захвативших в Нью-Йорке самолеты и направивших их на башни торгового центра. И имеются большие сомнения, что те, кто совершил недавние взрывы в аэропорту Брюсселя будут для **AI и HRW** «повстанцами»?

Есть в докладе и другие терминологические примечательности.

Так, в докладе отмечается

«Сепаратисты... совершили несколько внесудебных убийств».

Употребляя термин «внесудебные убийства», авторы автоматически допускают, что сторона «сепаратистов» могла применять и «судебные» убийства, т.е. казни по решению суда. О «судебности» или

«внесудебности» действий украинской стороны вести речь можно, поскольку Украина **имеет суды**. Но как это может осуществлять иная сторона, где нет легитимных судов?

Говорить о судебных решениях в ДНР/ЛНР можно, лишь признав, что то, что боевики назвали своими судами – это легитимные структуры, чьи решения «законны». Хотя в 2014 году их даже не было в ДНР/ЛНР как таковых. Но и в такой мелочи авторы доклада не возражают против наделения легитимностью и правосубъектностью структур ДНР/ЛНР.

Авторами оставляются размытыми такие употребляемые ими термины, как «гражданские лица» в отношении задерживаемых лиц. Если на украинской стороне, особенно в 2015-16 гг. отличить представителя военного формирования или властной структуры («негражданское лицо») и обычного, не имеющего к таким структурам отношения гражданина («гражданское лицо») еще как-то можно, то каким образом авторы доклада определяли, что их фигуранты от противостоящей стороны – «гражданские лица», не совершившие никаких нарушений закона? Ведь те – не считая россиян – все являются «гражданскими лицами». Например, какой-нибудь житель Макеевки, отстояв на блок-посту с автоматом смену, приходит домой, оставляет свой автомат – и вот он уже «гражданское лицо».

Из названных в начале доклада девяти отобранных примеров приведено описание только 3-4-х и только по ним есть возможность проанализировать детали описываемых случаев и их фигурантов. Однако в описываемых в докладе случаях задержания украинской стороной будто бы «гражданских лиц» непричастность их к незаконной деятельности часто очень сомнительна.

Так, авторы доклада «гражданским лицом» считают одного из фигурантов доклада – Вадима. По их мнению, он был незаконно задержан как «гражданское лицо». У него при задержании был обнаружен бейдж организатора референдума о независимости ДНР. Уже одно это свидетельствует, что этот человек – не обыкновенный гражданин (неважно, с какими убеждениями, пусть и симпатизирующий ДНР), а лицо, причастное к **действиям**, которые являются уголовным преступлением. Он оказался активистом проведения референдума, нарушающего территориальную целостность страны. Это конкретные действия, за которые предусмотрена ответственность по ст. 110 УК и наказание – до двенадцати лет лишения свободы. Налицо все признаки причастности задержанного к совершению уголовного преступления. Его украинские органы власти не просто могли, а имели право и основание задерживать, они даже *обязаны* были его задерживать.

Это не значит, что после задержания с ним поступали законно, применяя, возможно, избиения. Но называть его задержание «произвольным» или «незаконным» вряд ли будет верно.

Очевидно, что у украинской стороны мотивы задерживать Вадима – и довольно веские – были. Как они могли быть и в остальных восьми упоминаемых в докладе случаях задержания лиц украинской стороной, а может, и в отношении 16 лиц, будто бы содержащихся в здании СБУ Харькова. Но в докладе об этом нет никакой информации. Это предположение о возможной обоснованности упомянутых задержаний Украиной никоим образом не может оправдывать жестокое обращение с задержанными, применение пыток, длительное содержание в заключении без какой-либо регистрации.

Второй названный в докладе фигурант – Константин Бескоровайный. Он является членом Компартии. На отношение к этой политсиле и ее представителям не мог не оказывать влияние тот факт, что партия в Славянске активно поддержала иноземных захватчиков города. Сам Бескоровайный будто бы высказывал намерение отравить воду в городском водопроводе. Это не просто выражение его убеждений, на которые он по закону имеет право, а угроза действием. Возможно, позже он эти свои слова мог назвать шуткой. Но если какой-то шутник, заявляющий, например, по телефону о заминировании вокзала, хотя фактически он этого не делал, должен привлекаться к ответственности, то почему другой подобный шутник не может быть **задержан**? Т. е. для задержания Бескоровайного законные причины, вполне возможно, были, а потому вряд ли корректно считать его задержание абсолютно незаконным. Другое дело, что в последующем власть действовала незаконно, но уж никак ни при решении задержать его за высказывание угрозы отравить воду.

Третий описанный в докладе случай – задержание неизвестными лицами от украинской стороны, как определили сами авторы доклада, «про-сепаратистского активиста» - человека, проявлявшего какую-то активность в вопросах отделения территории от Украины, т.е. активного сторонника нарушения территориальной целостности страны. Важно еще раз подчеркнуть, что при этом речь не идет о задержании лиц за их убеждения или за их гражданскую позицию.

Как видно, во всех трех случаях украинской стороной задерживались лица, хотя и «гражданские» (в смысле – не военные, не вооруженные представители противной стороны), но совершавшие определенные действия, в т.ч. уголовно наказуемые, направленные на нанесение ущерба Украине, и уж никак не как лица, просто имеющие «неудобные» для власти убеждения, как это делали представители ДНР/ЛНР (см. далее).

Совсем иная ситуация с мотивами задержания лиц антиукраинскими силами. Для задержания кого-либо из них оказывалось достаточным иметь проукраинскую позицию, даже не нарушая законов. Впрочем, иногда и этого бывало не надо – достаточно было иметь бизнес, который у них можно было отобрать, или деньги, которые можно было потребовать, как выкуп. В докладе о таких мотивах задержания гражданских лиц боевиками упоминается, хотя и вскользь (стр. 8 абз. 2). Вместе с тем об аналогичных примерах, когда бы за задержанных украинской стороной лиц требовали выкуп, в докладе ничего не сообщается.

Показательно сравнить контекст и мотивы задержания граждан представителями ДНР.

В первом случае описано задержание студента, приехавший из Киева к родителям в Макеевку. Никаких действий в ущерб ДНР, как и никаких уголовно наказуемых деяний он не совершал. Даже представители ДНР впоследствии отказались от первоначальных обвинений в шпионаже.

Второй – профессор Игорь Козловский, он писал статью о «влиянии военных конфликтов на религиозные общины» и имел проукраинские взгляды, никаких уголовно наказуемых деяний не совершал. Но этого оказалось достаточно для его задержания и длительного содержания в заключении.

Третий случай – девушка, которая с друзьями доставляла гуманитарную помощь всем жителям - и сторонникам Украины, и сторонникам ДНР, и вообще безразличным гражданам. Но – никаких уголовно наказуемых деяний с ее стороны не отмечается, даже простых нарушений общественного порядка.

Несмотря на явное различие у сторон мотивов задержания «гражданских лиц», в докладе авторы подают эти мотивы как симметричные и необоснованные с обеих сторон, называя все случаи «задержанием «гражданских лиц». И все.

Отсутствие у авторов доклада разделения **законности мотивов задержания**, с одной стороны и, с другой стороны, законности **процедур содержания задержанных и обращения с ними** в последующем, отсутствие такого разделения, которое авторы с их огромным опытом не могли не видеть, приводит к путанице, смещению акцентов и в результате к созданию неадекватного впечатления, будто обе стороны во всех описываемых случаях задерживали «гражданских лиц», которые абсолютно не виновны и не совершали каких-либо деяний, наносящих ущерб их стороне.

Безусловно, применение пыток, длительное незаконное содержание – все это незаконные действия, допущенные каждой из сторон. Они не должны оставаться без надлежащего реагирования властей. Но без какого-либо различия приравнивать незаконность задержания студента Юрия к будто бы «незаконности» задержания активиста проведения референдума о «независимости» ДНР – как минимум, странно. Точно, как если не делать никакого различия в мотивах задержания между намерением, пусть даже фейковым, отравить воду и написанием статьи на тему «влиянии военных конфликтов на религиозные общины». Или, наконец, предоставление гуманитарной помощи жителям приравнивать по своему значению для общества с «про-сепаратистской активностью» Юрия – этот симметричный подход авторов трудно назвать, мягко говоря, корректным.

Достойным внимания является и раздел доклада **«Международные правовые стандарты»**.

Раздел содержит правильный и важный перечень международных документов, которые должны соблюдать – внимание! – **стороны, их подписавшие**: Международный пакт о гражданских и политических правах ООН, Европейская Конвенция прав человека и даже Женевская Конвенция 1949 года, правда, авторы упоминают только ее статью 3 и Протокол 2. Вместе с тем почему-то в этом перечне отсутствует ссылка на выше цитированную статью 2 Женевской Конвенции:

«настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны.

Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления».

Другими словами, в приведенном в разделе перечне международных документов и их норм авторы доклада не упоминают норму, которая напрямую имеет отношение к России. Остальные нормы есть, и соблюдать их обязана Украина. Но не боевики. Упреки Украине в их не соблюдении – справедливы. Упреки к ДНР/ЛНР – по сути бессмысленны. А к России в докладе нет упреков (претензий) о несоблюдении приведенных норм международных документов.

Примечательно выглядят и попытки авторов доклада в рамках своего исследования получить объяснение от властей по поводу ставших им известными случаев незаконного задержания гражданских лиц.

В докладе упоминаются две их попытки контактировать с руководством ДНР. Авторы не поясняют, отчего ими не были предприняты иные попытки – по причине угроз их безопасности, нехватки времени или по каким-то иным причинам. Понятно, что в оккупированном Донбассе собирать свидетельства о применении пыток и незаконных задержаний опасно.

Но невозможно не заметить практически полное отсутствие контактов с властями Украины, кроме одного письма в СБУ, к тому же направленного уже на финише выполняемого проекта. В докладе ничего не сообщается о попытках авторов в течение всего проекта проверить полученные ими сведения про незаконные действия украинской стороны или хотя бы получить хоть какие-то пояснения, например, от Генеральной прокуратуры Украины, от парламентского Комитета по правам человека. Совсем не понятно, почему не сделана попытка привлечь к проверке некоторых фактов, в частности, о незаконных местах содержания в Мариуполе, Краматорске, Харькове, Уполномоченного по правам человека. Такое впечатление, что авторы доклада опасаются, что в случае позитивного ответа какого-нибудь украинского органа власти может пострадать их тезис о том, что **обе стороны одинаково** нарушают права задержанных и **одинаково не желают** изменять ситуацию, **одинаково** ничего не делают для исправления нарушений и **одинаково** упорно не желают привлекать к ответственности нарушителей.

Весьма специфически со стороны авторов доклада выглядит и выбранный ими момент для встречи с представителями Администрации Президента Украины – всего за пару дней до публичного представления доклада, когда властная структура лишена возможности как-либо отреагировать на заявления о нарушениях, да и просто проверить их достоверность. А значит, уже никак не сможет повлиять на выстроенную в докладе конструкцию об ответственности сторон за нарушения.

В результате получается, что авторы как бы и контактировали с украинскими властями на высшем уровне, но эти контакты уже никак не могли повлиять на выстроенную конструкцию с тезисами о бездействующей власти. Просто потому, что выбранной авторами доклада последовательностью шагов властные структуры иногда просто не в силах даже при желании позитивно отреагировать. Снова возникает ощущение, что позитивная реакция власти авторам не очень-то и нужна, и они избегают ее получения. Такой подход трудно воспринимать как беспристрастный.

Вместе с тем, известно, что власти Украины на сообщения о незаконных задержаниях и пытках со стороны представителей своих вооруженных формирований нередко реагируют надлежащим образом. Чаще всего, такие случаи происходят с участием добровольческих батальонов, таких как «Азов», «Айдар», «Торнадо». Сейчас в отношении бойцов последнего начат судебный процесс. А вот о подобных процессах в ДНР и ЛНР нам ничего не известно (это к вопросу «симметричности» отношения властей к пыткам задержанных в Украине и на оккупированной территории).

Общественные организации Украины собирают свидетельства о жестоком обращении не только на оккупированной территории, но и на территории, подконтрольной Украине. При этом такие НПО за такую свою деятельность не преследуются властью, ведут свою работу открыто. О чем-либо подобном в ДНР-ЛНР нам не известно, и вся имеющаяся на эту тему информация свидетельствует, что ни о какой деятельности подобного рода на оккупированной территории нельзя говорить.

Авторы доклада приводят многочисленные свидетельства жестокого обращения и пыток с обеих сторон. Все те, кто их применял, должны быть привлечены к ответственности, независимо от того, к какой из противоборствующих сторон они принадлежат. Но различие в реагировании органов власти и гражданского общества на информацию о незаконных задержаниях в районе конфликта, о пытках в Украине и в ДНР в докладе практически не отражено.

Ответственность за реакцию на факты жестокого обращения должно нести государство, его власти. Действия (или бездействие) государства свидетельствуют о мере его добросовестности в соблюдении международных стандартов (правил) в вооруженных конфликтах. Если жестокое обращение, пытки и незаконные задержания совершали лица, относящиеся к органам или формированиям Украины (или контролируемым Украиной) – это забота властей Украины пресекать такие действия и расследовать имеющиеся факты, а виновных привлекать к ответственности. Если же такие деяния совершены на контролируемой боевиками территории, то какой субъект международного права должен нести ответственность за их действия?

Уместно еще раз процитировать упоминавшуюся ст. 2 Женевской Конвенции

«настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны».

Однако нетрудно заметить, что в докладе роль России обозначена довольно однозначно: она лишь «влияет» на боевиков. И никак не больше. Конфликт-то «не международного характера», он внутренний, украинский. Всего лишь одна фраза в докладе о том, что «имеются убедительные доказательства участия в конфликте российских вооруженных сил, что превращает внутренний конфликт в международный» (абз. 1 на стр. 8), ничего не меняет в том, как авторы доклада подают события в Донбассе.

Хотели авторы или нет, но фактически ими представлена в докладе картина, в которой власти Украины **также**, как и действующие вне закона боевики, хватают гражданских лиц (т.е. совершенно невиновных людей), их пытаются, потом обменивают или отпускают. И мучители (с обеих сторон!) никакой ответственности за применение пыток не несут, власть их покрывает. Эта картина мало отличается от насаждаемого в России представления об Украине как зоне бандитизма, отсутствия закона и полного бардака. Из доклада же следует, будто такой беспредел существует как по одну, так и по другую сторону линии размежевания, но обе эти части – это Украина. Де-факто на Донбассе существует, по мнению авторов, сугубо внутренний конфликт, в котором украинской власти противостоят «повставшие» жители Донбасса, хотя Россия и имеет на них некоторое влияние.

Всем содержанием доклада его авторы придерживаются позиции, согласно которой отсутствие нормальной сильной власти в ДНР/ЛНР и существующее там бесправие и незащищенность граждан от своеволия тамошней власти не отличается по сути от бестолковости и бессилия украинской власти. В этой картине, представленной в докладе, почти нет отличий от версии событий в Украине, представляемой российскими СМИ, г-ном Лавровым и другими представителями российской власти.

Весь доклад выдержан в рамках нескольких ключевых тезисов:

- конфликт в Донбассе внутренний, не международный;
- власти Украины ведут себя также с задержанными, как и боевики;
- власти Украины не желают расследовать сведения о пытках и незаконных задержаниях, скрывают их, как и власти ДНР/ЛНР;

- правовой беспредел в Украине такой же, как и на оккупированных территориях, а граждане одинаково беззащитны по обе стороны линии разграничения;

Если допустить, что некоторые из этих тезисов не совсем верны, то можно было бы попробовать проверить даже после опубликования доклада, насколько они все оправданы и отвечают реальности. Один из способов был предложен авторам доклада на одной из встреч с представителями властных структур в июле (еще до презентации доклада): представить органам украинской власти 10-15 наиболее важных вопросов по материалам доклада о зафиксированных нарушениях и о предпринятых властями шагах по их исправлению.

Ответы на эти вопросы (или отсутствие таковых) могли бы позволить более полно и четко составить представление об отношении этих органов власти к описываемым в докладе фактам. Ведь в докладе упоминается только один ответ из СБУ. А какую позицию займут другие структуры, например, парламентский Комитет по правам человека, Уполномоченный по правам человека, Генпрокуратура, Администрация Президента Украины. Такое предложение авторами было тогда принято живо и заинтересовано. Но более чем за два месяца от них такие вопросы так и не поступили.

Неужели авторов доклада уже не интересует позиция различных органов власти, ответственных за соблюдение прав человека, и их отношение к описанным в докладе грубым нарушениям прав человека представителями Украины?

Теперь о рекомендациях доклада.

В докладе даны хорошие, нужные и правильные **рекомендации** украинской стороне.

Описанное в докладе обращение представителей украинской стороны с задержанными недопустимо. Виновные должны быть найдены и наказаны. Для такого финала в Украине есть милиция, прокуратура, суды, Уполномоченный по правам человека, Служба безопасности Украины, Верховна Рада, Президент. Все они должны реагировать на нарушения прав человека. Если же они не делают этого или делают плохо – с них надо спрашивать. Если публикация доклада этому поспособствует – это замечательно.

Это что касается рекомендаций для Украины.

Что касается рекомендаций для другой стороны («сепаратистским силам»), то все, кроме призыва прекратить пытки и жестокое обращение и призывов сотрудничать с ООН, вызывает только грустную улыбку. Например, рекомендация – *«провести своевременное, тщательное и непредубежденное расследование всех утверждений об исчезновениях и содержании под стражей..., про пытки и жестокое обращение... обеспечить справедливое правосудие».*

Кто должен, по мнению авторов доклада, выполнять эту рекомендацию и вести такое расследование? Сами боевики, вершившие пытки и избиения? Или ими подобранные следователи? А кто должен вершить правосудие? Судьи, назначенные по неизвестной процедуре и по законодательству, которое не имеет никакого правового основания?

Есть в рекомендациях и предложение *«прекратить практику незаконного содержания под стражей лиц с целью обмена «пленными»...»*

Может, эту рекомендацию надо понимать так, что практика «законного» содержания под стражей в исполнении боевиков авторами доклада допускаются?

Есть еще и рекомендация *«Временно отстранить подозреваемых или обвиняемых в преступлениях.. от их обязанностей и прекратить их дальнейшие контакты с задержанными во время расследования и дальнейших судебных рассмотрений».*

Кем же должно проводиться упомянутое расследование? И возможно ли в принципе в ДНР/ЛНР какое-либо законное расследование и легитимное «судебное» рассмотрение? Можно ли считать законным наказанием решение «суда ДНР»?

Если исходить из постулата о том, что на территории Украины действуют только суды Украины и что в обсуждаемом контексте единственной легитимной процедурой на территории Украины может быть расследование органами следствия Украины, и только, то кто тогда, какие структуры должны выполнять рекомендации, данные авторами «сепаратистским силам»?

Призывать бандитские террористические группировки, контролирующие часть территории Украины исключительно благодаря военной поддержке России – призывать их не применять пытки можно, призывать сотрудничать с международными структурами, например, с Красным Крестом – можно. Но призывать эти группировки проводить собственные расследования и вершить правосудие – значит, наделять эти фэйковые творения легитимностью, которой у них нет, которая Украиной и странами, где существует верховенство права – не признается. Только Россия считает существующие в ДНР-ЛНР порядки и систему легитимными. Поэтому когда российский министр наделяет структуры ДНР легитимностью – это понятно, это ладно. Но когда это же делают представители уважаемых правозащитных организаций – это совсем другое дело.

Словосочетание *«справедливый судебный приговор суда ДНР»* - оксюморон.

Многочисленные попытки авторов в своем докладе уравнивать стороны в уровне совершения нарушений не могут не вызывать удивления. Эта странная позиция пронизывает весь доклад, вплоть до заключительного реверанса в адрес Международного сообщества, в котором упоминается Россия. Авторы призывают Россию всего лишь «использовать свое влияние»... Только одной фразы не хватает в этом абзаце – призыва к Обаме использовать свое влияние на Украину.

И две авторитетные правозащитные организации призывают обе стороны привлечь к ответственности виновных, свершить правосудие. Но, по их мнению, при этом власти России прямой ответственности за нарушения прав человека не несут.

Многочисленные недоговоренности авторов доклада относительно роли России в конфликте и в нарушениях прав человека в Донбассе превращают доклад как ценное исследование в некий вариант гибридной правозащиты.